

Трубка. 1991. 23 ноября.
**Прости нас всех,
Юлия Друнина!**

Когда человек уходит из жизни, это всегда неожиданно. И больно. А когда он уходит, что называется, по своей воле, это неожиданно и больно вдвойне.

Горькая весть: Юлия Друнина покончила с собой. Нет, я не поверил. «Наверное, какая-то ошибка!» — крикнул в телефонную трубку. Увы...

Многие знают: она была бойцом Великой Отечественной, медсестрой на переднем крае. Это юность ее — бесконечные бои, раненые, которых она семнадцатилетней девчонкой вытаскивала с полей сражений, первые стихи... Война стала главной темой ее чистой и пронзительной поэзии, которая навсегда останется с нами.

Но в последние годы мы узнали Юлию Друнину и в другом качестве — как общественного деятеля, активного и беспокойного. Ее избрали народным депутатом СССР, она все чаще выступала со страстной публицистикой в журналах и газетах, в том числе в нашей «Правде».

О, эти статьи, первым читателем которых мне посчастливилось быть! О чем они? Время и мы — такова, если в общих словах, центральная их мысль. Человек фронтового поколения, Юлия Владимировна всей душой радовалась демократическим переменам в нашей стране. Приветство-

**САЛЮТ БОЙЦУ,
ПОКЛОН ПОЭТУ**

вала новую молодежь. На многое надеялась вместе с ней. И в то же время... многое, очень многое остро тревожило ее. Прежде всего — отношение к нашему прошлому, которое кому-то так хочется полностью оплывать и растоптать, пренебрежение и даже неприязнь к фронтовикам, болью отдававшиеся в сердце, нелегкое положение женщины в нашем обществе... Обо всем этом она писала в своих публицистических статьях, где концентрация чувства и мысли достигала высочайшей напряженности. Об этом же с глубочайшим волнением говорила с трибуны Верховного Совета страны, досадуя каждый раз, что действенность депутатского слова так низка. Даже решила подать заявление о выходе из парламента.

Да, такой она была — бескомпромиссной и максимально честной во всем. И беспредельно страдающей от того, какими взаимно озлобленными и жестокими, равнодушными и корыстными начали мы вдруг становиться. Это для нее было особенно невыносимо!

Последний раз мы встретились и говорили в нашей редакции 20 сентября. Шла в номер ее статья «В двух измерениях». Эпиграфом стали прекрасные строки:

И с каждым годом все
дальше,
дальше,
И с каждым годом все ближе,
ближе
Отпыхавшая юность наша,
Друзья, которых я не увижу.
Не говорите, что это тени —
Я помню прошлое каждым
нервом.
Живу как будто в двух
измерениях —
В своей эпохе и в сорок
первом...

А говорила она мне о том, что ужасно устала душевно от всего, что происходит вокруг. Мельком заметила, что давно, еще с первых послевоенных лет, не может обходиться без снотворных и успокаивающих таблеток. Теперь же пьет их все больше — и не всегда помогают. «Вот поеду завтра в свой любимый Коктебель — может, отдохну»...

Не отдохнула, видно. И сколь горько говорить теперь уже в прошедшем времени: «Жила как будто в двух измерениях»...

Прости нас всех, Юля, Юлия Владимировна, всех оставшихся прости, что не сберегли мы тебя!

Виктор КОЖЕМЯКО.